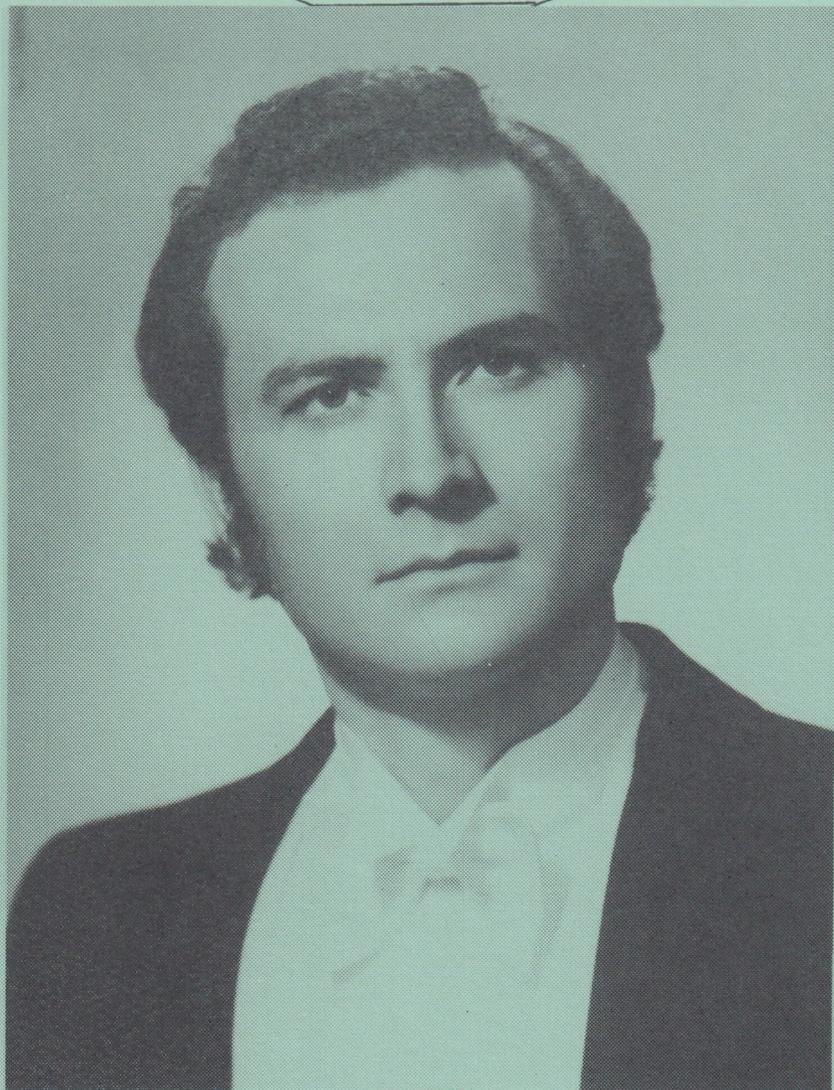

Австралия

РУССКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

32

2002

СИДНЕЙ

ИЮЛЬ

Русские в Южной Австралии

На рубеже XIX-XX веков русские путешественники продолжали посещать Южную Австралию. В 1896 году здесь побывали брат и сестра Константин и София Витковские. Об этой поездке София рассказала в своей книге «Вокруг земли». Именно с Аделаиды началось их знакомство с Австралией. На Софию Аделаида произвела приятное впечатление: «Мы почему-то были предубеждены против Аделаиды..., но город был так мил, что предубеждение быстро рассеялось. Окаймленный зеленой гирляндой садов, среди обступавших его голубоватых гор, сам беленький и чистенький, он производил чрезвычайно веселое впечатление». Но в ее отзыве сквозило и разочарование: «Вот мы и видели Аделаиду и имеем право сказать, что побывали в Австралии. Что же? Особенного ничего, город, как город и люди, как люди, только растительность отчасти нова». Это было неудовлетворенное стремление найти в Австралии экзотику; его, впрочем, испытывали многие русские.

Натуралист Александр Яценко в 1903 году тоже начал свое путешествие по Австралии с Аделаиды. Он приехал сюда для сбора естественнонаучных и антропологических материалов. Он внес большой вклад в исследование Южной Австралии, и столетие его путешествия сюда заслуживает быть отмеченным и русскими, и австралийцами, тем более что недавно его книга об этом путешествии была переведена на английский язык. Яценко побывал во многих научных и учебных заведениях Аделаиды; установил контакты со многими учеными, привез в Россию большую коллекцию естественнонаучных и этнографических материалов. Во время поездки он вел дневник и подробно описал многие стороны жизни аделаидцев, будь то нравы в железнодорожном вагоне, закусочная на колесах «для простолюдинов», арест пьяного на улице или посещение премьер-министра: «Как известно, доступ в приемное время к премьерам Австралии легок и прост, так как не требуется никаких изменений в костюме».

Яценко оценил уважение к науке, характерное для жителей молодой колонии. Так, главный комиссар полиции Мадлей, увидев неподдельный интерес Яценко к хранившимся у него в кабинете изделиям австралийских аборигенов, «неожиданно выразил желание подарить мне несколько вещей. На мое вполне естественное смущение он поспешил прибавить: “Для науки я всегда и везде готов служить”» «Нужно ли передавать о моей радости в полном смысле этого слова... – пишет Яценко. - Презент мне состоял из каменного топора с рукоятью (древняя редкость даже для австралийских музеев), редкого каменного ножа в ножнах из коры, таинственного камня церемоний со знаками, колдующей палочки-указки (несущей смерть указуемому), украшений груди и чресел, женского дорожного мешочка, копьеметальника и четырех бумерангов и туплей из перьев эму. Если судьба поможет мне довести все это до России, я привезу поистине драгоценный дар центральной Австралии русскому музею».

Окрестности Аделаиды чем-то напомнили ему Россию: «Зимой здешние крики отчасти напоминают наши степные речки, когда они пересохнут в знойное лето. Даже эвкалипты вдоль усохших русел не казались мне незнакомыми, да и весь пейзаж не имел вида совсем чужого». Казуарины, например, напомнили ему русские ветлы. Сходные чувства вызвала у него и равнина к северу от Аделаиды, по которой он проезжал на поезде: «И представить себе, что когда-то эта равнина была покрыта лесом, хотя редким, но все-таки лесом, по которому бродили семьи аборигенов. Теперь это та же матушка Россия с ее бесконечными полями и лугами. Только здешние поля и луга имеют красноватую почву и летом совершенно меняют свой вид, превращаясь в желтую пыльную пустыню. И теперь по ней бежали змейки высохших криков, копии наших степных речушек». Он первым познакомил русских с австралийским способом приготовления чая: «Набрав сухого эвкалиптового валежника, мы развели костер. Над костром повесили котелок с водой. Когда вода вскипела, наш повар положил в нее две ложки чаю, а спустя минуту, согласно обычаю, влил в покрасневшую жидкость холодной некипяченой воды. У нас этот напиток непременно объявили бы вредным для здоровья, голословно веря в несовместимость сырой воды с кипяченой. Не скажу, чтобы с русской точки зрения чай был вкусным, но все же он был недурен, и я выпил его с удовольствием».

Конечно, самым интересным было путешествие Яценко в северо-восточную часть колонии, к озеру Киллалпанинна, на миссионерскую станцию. В своем дневнике он описал простой и суровый мир жителей австралийского буша. Среди этих людей он чувствовал себя как дома. На миссионерской станции он познакомился с пастором Рейтером, который много лет жил среди аборигенов диери, изучая их культуру, и с пастором Карлом Штреловым, автором одного из первых классических трудов, посвященных аборигенам Центральной Австралии. Вместе с аборигенами Яценко бродил по окрестностям станции, наблюдая их непревзойденные навыки жизни в этих полупустынных районах и

собирая естественнонаучные коллекции. Ященко, например, описывает, как аборигены находили деревья, в стволах которых жили съедобные гусеницы «величиной с хорошую толстую сосиску». Абориген, очистив кору дерева, запускал в ход сделанную из веточки палочку с крючком, «ловко поддевал и вытаскивал жирную гусеницу. "Это мы едим, - прибавлял старик и как бы в оправдание добавлял: - Очень вкусно".» Описал Ященко и как аборигены добывали в пустыне воду из корней растений и огонь методом трения. Много пишет он и об их искусстве следопытов.

В 1903 году Южную Австралию посетил корабль «Джигит», о визите которого известно очень мало. Бывали здесь и другие путешественники – Николай Крюков, собиравший сведения о ее сельском хозяйстве, и Павел Нечаев, приезд которого на конгресс Ассоциации содействия науке совпал с началом первой мировой войны. И Ященко, и Нечаев описывали в своих отчетах встречу с директором Ботанического сада Хольце и его женой – русской из Вятской губернии, но о наших соотечественниках, поселившихся в Южной Австралии, я расскажу в следующем очерке.

(Продолжение. Начало см. "Австралиада" 2001, № 29-30; 2002, № 31)

ДОКТОР ВИКТОР ЕВГЕНЬЕВИЧ ИСТОМИН

(Он же – доктор П.Калиновский)

Много интересных и необыкновенных людей дала миру русская эмиграция. Один из них - доктор Виктор Евгеньевич Истомин, известный в Австралии, как П.Калиновский - автор книги «Переход».

Родился он в 1907 году Харькове, в семье врача. Отец его, профессор, читал лекции на хирургическом факультете, мать его, врач по профессии, заведовала Владимиро-Волынским госпиталем в Екатеринославе, куда семья переехала из Харькова. С детства маленького Витю тянуло к медицине, он мечтал быть врачом. Родители мальчика поощряли это увлечение сына.

Окончив с отличием гимназию, В.Е. поступил на хирургический факультет, по окончании которого получил назначение в Сибирь, где работал врачом. Вернувшись в Днепропетровск (бывший Екатеринослав), работал ординатором у профессора Гальперина.

В 1928 году женился, и вскоре у них родилась дочь, которую назвали Татьяной. В 1941 году началась Отечественная война. В.Е.Истомин был призван в армию и откомандирован на фронт, где руководил группой врачей. Вскоре попал в плен. После освобождения из плена вернулся в оккупированный немцами Днепропетровск в надежде найти жену и дочь. Там он их не нашел, так как они были эвакуированы в неизвестном направлении. В своих поисках он дошел до Сталинграда, но, несмотря на все усилия, ему не удалось их найти.

Dr. Peter Kalinovsky and his wife,
Dr. Galina Kalinovsky. 1952.

Некоторое время он работал врачом в оккупированных немцами районах. В г. Сталино заведовал больницей. В 1943 г. немецкое военное командование направило В.Е. в Германию, в г. Гладбек, где он работал по своей специальности. В апреле 1945 г. во время войны, состоялось моё знакомство с врачами Истоминными. Я попал в больницу в Гладбеке, где работал В.Е. вместе со своей второй женой, Верой Николаевной, которая после вечернего обхода говорила мне: «Виктор Евгеньевич вас ждёт!» Может быть, интуиция, а может быть, сама судьба подсказывала, что мы должны держаться вместе, помогать друг другу. Доктор был на редкость интересный и эрудированный собеседник, и с ним можно было говорить на любые темы. Наши душевные беседы сблизили нас, и вскоре наше знакомство перешло в дружбу, которая продолжается уже 57 лет. В.Е. был хорошим шахматистом. Он играл с чемпионом Западной Германии и выигрывал.

В 1945 году, после окончания войны, он был в польском лагере Хаген Кабель. В 1946 г. переехал в русский лагерь Фишбек в Гамбурге, где проработал врачом до 1948 года. Истоминны и я с женой и шестилетней дочкой Инной исколесили всю Германию. В 1948 г. все мы на одном пароходе отплыли в